
ПРАВО ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПОНЯТИЕ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется категория цифровых прав в контексте концепции прав человека нового поколения, в которой наиболее известны право на доступ в Интернет, право на защиту персональных данных и право быть забытым (право на забвение). Кроме того, цифровые права в настоящее время являются объектом гражданских прав в российском законодательстве. В Гражданском кодексе РФ категория цифровых прав предназначена для урегулирования отношений, возникающих при использовании токенов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые права; права человека; токены; имущественные права.

ABSTRACT

The article analyses the category of the digital rights. Firstly as a concept of a new generation of human rights, where the most popular are a right to internet access, right to personal data protection and right to be forgotten (right to erasure). Secondly, the digital rights are an object of the civil rights in Russian law, now. In the Civil Code of the Russian Federation the category of the digital rights is designed to settle the relations arising from the use of tokens.

KEY WORDS: digital rights; human rights; tokens; property rights.

Термин «цифровые права» (digital rights) не так давно вошел в правовой оборот, но теперь он присутствует не только в публикациях, но и в российском законодательстве. Вместе с тем изучение актуальной литературы позволяет говорить о том, что даваемые цифровым правам характеристики нередко зависят от отрасли права, в контексте которой исследуется данное явление, вследствие чего высказываемые юристами позиции весьма далеки от единообразия. Это дало повод обратиться к сложившейся в мире на сегодняшний день концепции цифрового права, с тем чтобы затем провести анализ категории «цифровые права», вошедшей в отечественное гражданское право.

Публично-правовая концепция цифровых прав

В начале XXI века термин «цифровые права» еще не имел широкого распространения — для обозначения этих прав нередко употреблялись выражения «интернет-права», «права человека в интернете/в киберпространстве», «киберправа и киберсвободы» (англ. cyber-rights & cyber-liberties).

На это обращает внимание и Н. В. Варламова: «...в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate)... Иногда эти термины используют как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав» [1, с. 12].

Не углубляясь в тему соотношения категорий «цифровые права» и «интернет-права», ограничимся указанием на то, что содержательно термин

«интернет-право» является более узким, нежели «цифровое право», которое помимо прочего охватывает и область интернета.

Проведенные исследования показали, что изначально рассматриваемое понятие использовалось для обозначения прав, возникновение которых обусловлено появлением новых информационных и коммуникационных технологий, главенствующей из которых стал Интернет.

Как отмечает Якопо Кокколи, развитие права на доступ в Интернет продемонстрировало возможность «технологии стать самим правом» [2, р. 243].

Под цифровыми правами было предложено понимать: права на получение доступа и возможности использовать телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), электронные устройства (в том числе компьютеры), цифровые носители; права, позволяющие разным лицам создавать, получать, использовать и распространять информацию в цифровой форме, и т.д.

Давая характеристику этим правам, Конрад Беккер в начале 2000-х определил их следующим образом: «Цифровые права человека – это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации... Базисные цифровые права человека включают право доступа к электронной сети, право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной сферы... Свободное выражение мнений в сети не подлежит прямому или косвенному ограничению через цензуру, запрещающий контроль со стороны правительств или частных лиц путем проверок программного или аппаратного обеспечения, телекоммуникационных инфраструктур или других составных частей электронных сетей. Право на частную неприкосновенность, анонимность и безопасность включает право на защиту от произвольного наблюдения материалов или общения в сети, так же как и право использования таких технологий неприкосновенности, применяемых с целью обезопасить коммуникацию, как криптография. Усилия, ведущие к развитию коммуникационной инфраструктуры, позволяющей осуществлять наблюдение, собирать данные по отдельным пользователям, отслеживать происхождение данных или перехватывать сетевую коммуникацию в коммерческих интересах или в интересах слежки, – нарушают это право» [3].

Вместе с тем очевидно, что зародившаяся в конце XX века концепция цифровых прав на сегодняшний день окончательно не сформировалась. Обще-признана *публично-правовая природа* цифровых прав, но понимание их довольно размыто, а содержание образующих их притязаний и характер обязательств государства по обеспечению этих прав трактуются различными авторами по-разному. При этом в большинстве публикаций анализу подвергается так называемое базовое цифровое право – *право на доступ к интернету*, довольно часто комментируются различные аспекты *права на забвение*, тогда как остальные права этой категории не вызывают столь же серьезного исследовательского интереса. До настоящего времени в доктрине международного права не сложилось и единого взгляда в отношении того, следует ли относить цифровые права к правам *первого поколения* (личные и политические права человека, естественные неотчуждаемые права), *второго поколения* (социально-экономические и культурные права) или это *новое поколение прав*, принципиально отличающихся от традиционных. Более того,

в литературе иногда проскальзывает мнение, что цифровые права представляют собой даже и не самостоятельные права, а скорее условия или средства реализации общепризнанных прав человека.

Следует признать, что сегодня концепцией цифровых прав охватывается целый ряд фундаментальных прав человека, но основное место среди них занимают права на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнения, более всего подверженные риску нарушения в условиях применения новейших информационных и коммуникационных технологий. Такой подход сложился изначально.

Так, в Хартии прав человека в Интернете [4] (в редакции 2006 г.) к числу интернет-прав были отнесены:

1) **право на доступ к интернету**, выводимое из ст. 26 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), гарантирующей право на образование. Оно включает в себя: право на доступ к инфраструктуре; право на навыки; право на интерфейсы, контент и приложения, доступные для всех; право на равный доступ для мужчин и женщин; право на доступ на рабочем месте; право на публичный доступ и проч.;

2) **право на свободу выражения мнений и ассоциаций**, которое выводилось из ст. 18-20 Всеобщей декларации прав человека, гарантирующих свободу мысли, совести и религии, свободу убеждений и их свободное выражение, а также свободу мирных собраний и ассоциаций. Оно включает в себя: право на свободу выражения мнений; право на свободу от цензуры; право на участие в онлайн-протестах;

3) **право на доступ к знаниям**, которое вытекает из ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, гарантирующей право на участие в культурной жизни общества и в научном прогрессе и пользование благами последнего, на наслаждение искусством. Оно включает в себя: право на доступ к знаниям; право на свободу информации; право на доступ к информации, финансируемой государством;

4) **право на бесплатное и открытое программное обеспечение и технологии**, следующее из той же ст. 27 Всеобщей декларации прав человека. Оно включает в себя: право делиться знаниями; право на бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом; право на открытые технологические стандарты; право на получение выгоды от конвергенции и мультимедийного контента;

5) **право на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрование**, выводимое из ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни. Оно включает в себя: право на защиту данных; право на свободу от слежки; право на использование шифрования;

6) **право на управление интернетом**, включающее в себя: право на многосторонний демократический надзор за управлением интернетом; право на децентрализованный, совместный и интероперабельный интернет; право на открытую архитектуру интернета; право на прозрачность и доступность

решений, связанных с управлением и развитием интернета: право на сетевой нейтралитет и проч.

7) *право на осведомленность, защиту и реализацию прав в интернете*. Это право требует некоторых комментариев в контексте концепции цифровых прав. Во-первых, право на реализацию и защиту, строго говоря, не может рассматриваться как отдельное, самостоятельное право — это составляющая всякого субъективного права, которая обеспечивает само это право возможностью применения лицом разных способов осуществления этого права и различных мер по его защите. Во-вторых, реализация и защита в интернете предполагается не только для прав публично-правового происхождения, но и прав, возникающих в отношениях между частными лицами. Вследствие этого правомочие реализации и защиты прав в интернете нельзя отнести к числу самостоятельных цифровых прав.

Приведенный перечень вовсе не является окончательным и закрытым — реальные и потенциальные угрозы фундаментальным правам человека со стороны новейших цифровых технологий становятся катализатором расширения круга цифровых прав.

Так, правозащитная группа European Digital Rights (EDRi)¹ распространяет свою деятельность на сферу интеллектуальной собственности, считая, что авторское и патентное право нуждается в реформировании, поскольку в существующем виде оно не обеспечивает надлежащей реализации права на доступ к культурной жизни и права на образование. Поэтому в Хартии цифровых прав [5] (2014) акцентировалось внимание на необходимости приумножить исключения из авторского права (в дополнение к существующим, как, например, доступ к произведениям в публичных библиотеках, создание доступных форматов произведений для людей с ограниченными возможностями, использование произведений в школе), широко использовать возможности открытого доступа (например, онлайн-журналы с открытым доступом, научные журналы, не имеющие технических, финансовых или юридических барьеров) и т.д.

В то же время Европейский Суд по правам человека рассматривает интеллектуальную собственность в ином ключе — как разновидность имущества, право на которое гарантирует Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. И в тех случаях, когда в сети интернет происходит нарушение интеллектуальных прав (при условии ненадлежащего исполнения государством его «позитивного обязательства», например, по надлежащему регулированию соответствующей сферы), нарушается еще одно фундаментальное право — *право на имущество* [6; 7]. Эта позиция нашла отражение в нескольких постановлениях Европейского Суда по правам человека, а также в исследовательском отчете «Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека» [8] (2011), в котором защите интеллектуальной собственности посвящен целый раздел [9], и недавнем обзоре практики по делам, связанным с применением новых технологий (2019) [10].

¹ URL: <https://edri.org/>

Изложенное позволяет говорить о том, что концепция цифровых прав формируется, затрагивая все новые области фундаментальных прав человека. На сегодняшний день сложно однозначно утверждать, являются цифровые права новым поколением или подвидом прав человека, осуществляемых в цифровой среде, которая «включает в себя информационные и коммуникационные технологии, в том числе Интернет, мобильные и связанные с ними технологии и устройства, а также цифровые сети, банки данных, контент и услуги» [11, с. 117], либо это только средство реализации традиционных прав человека в этой среде. Однако с уверенностью можно утверждать, что у концепции цифровых прав есть все основания для того, чтобы претендовать на роль одной из основных концепций международного права, способствующих правовому обеспечению глобального устойчивого развития.

Завершая настоящую часть статьи, нельзя обойти вниманием тот момент, что и в зарубежных, и в отечественных публикациях, связанных с исследованиями в рассматриваемой области, цифровые права иногда именуется гражданскими. Это не означает, что цифровые права связаны напрямую с принадлежностью к гражданству государства: как известно, неотчуждаемые права человека — присущие людям от рождения права независимо от того, являются они гражданами государства, на территории которого находятся, или нет. Равным образом это не дает повод относить цифровые права к числу субъективных гражданских прав, возникновение которых обусловлено наступлением обстоятельств, с которыми нормы гражданского права связывают соответствующие юридические последствия. Обозначение цифровых прав как гражданских связано с тем, что в международном праве под гражданскими (личными) правами принято понимать права, принадлежащие человеку как биосоциальному существу, в круг которых входят, в частности, свобода мысли и слова, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, право на личную и семейную тайну и проч.

Цифровые права в российском гражданском праве

Изложенное позволяет говорить о том, что недавно вошедшее в отечественную цивилистику новое понятие «цифровые права» не имеет никакого отношения к формирующейся в международном праве концепции цифровых прав. Понятие цифровых прав, определение которого дано в ст. 141¹ ГК РФ, надо рассматривать как специальное отраслевое понятие, оторванное от упомянутой концепции.

Необходимость введения понятия «цифровые права» в российское гражданское право изначально объяснялась стремлением найти «более соответствующий отечественным правовым традициям» термин. В частности, в пояснительной записке к законопроекту № 424632-7, ставшему впоследствии Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в ГК РФ и были введены цифровые права (далее — Закон о цифровых правах), специально подчеркивалось: «Проект вводит в гражданское законодательство базовое понятие «цифровое право» (вместо

термина «токен», который изначально обозначает устройство для идентификации, а сейчас стал использоваться в IT-лексиконе для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности, предлагается отвечающее традициям российского права понятие «цифровое право»)… Сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (пункт 1 новой статьи 141¹ ГК РФ). Разумеется, цифровое право может удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права» [12].

В действительности термин «токен» используется во многих значениях. Например, в публикациях упоминается, что в прошлом токен — это металлический жетон (англ. token — знак, символ; опознавательный знак; жетон), который имел хождение в качестве денег при нехватке мелких монет, что допускалось государствами, несмотря на частное «происхождение» таких квазиденег. В контексте информационной безопасности термином «токен» обозначается специальное устройство, которое используется для аутентификации пользователя — обычно на них записываются сертификаты электронной подписи (электронный ключ, USB-ключ, аппаратный токен и проч.).

В целях настоящей работы внимания заслуживает другая ипостась термина «токен», возникшая при становлении рынка платформ, приложений и сервисов, использующих технологию распределенного реестра, в том числе технологию блокчейн. Развитие этого рынка привело к созданию нового способа привлечения инвестиций — ICO (англ. Initial Coin Offering — первичное размещение монет), который, несмотря на некоторое терминологическое сходство с IPO (англ. Initial Public Offering — первичное публичное размещение), от последнего существенно отличается: ICO понимается как процедура публичного размещения (продажи) токенов с целью привлечения инвестиций для развития проекта, использующего технологию блокчейн.

В этом контексте токен рассматривают как запись в распределенном реестре (блокчейне), удостоверяющую вещные, обязательственные, иные имущественные права и проч. То есть токен позиционируется как один из способов фиксации прав в электронной (цифровой) форме, что и позволяет усматривать его сходство с бездокументарными ценными бумагами. Но особенность токена в том, что он может подтверждать не только имущественные права, но и, в частности, различные блага, лишенные какой-либо экономической ценности, которые по тем или иным мотивам представляют интерес для «держателя» токена: например, это могут быть фан-токены, которые позволяют фанатам футбольной команды участвовать в ее жизни, голосуя за решения по поводу цвета формы игроков.

С учетом сказанного закономерно характеристика, данная токену М. Юрасовым: «Феноменальность токена заключается в том, что он может отображать что угодно. То есть это такой цифровой актив, который может отображать любые права, обязанности, единицу стоимости и даже абсолютно ничего» [13].

Именно указанный момент исключает возможность применения ко всем без исключения случаям положений о ценных бумагах.

Вследствие крайнего разнообразия токены дифференцируют по различным основаниям. Наибольшее распространение, вероятно, получили классификации, базирующиеся на аналитике Службы по надзору за финансовыми рынками Швейцарии (Swiss Financial Market Supervisory Authority; далее – FINMA) и Комиссии по ценным бумагам и биржам США (англ. The United States Securities and Exchange Commission; далее – SEC). Исходя из того, что анализ FINMA основан на оценке экономической функции токенов, а SEC – степени родства токена с ценными бумагами, токены разграничиваются на:

– **платежные токены** [Payment tokens (FINMA)/Cryptocurrencies (SEC)]; криптовалюта, используемая как средство платежа или как платежная единица, – это, прежде всего, биткойны и некоторые альткойны, например Ripple;

– **токены-активы** [Asset tokens (FINMA)/Security (SEC)], содержащие в себе элементы ценных бумаг, будучи, главным образом, инструментом инвестиций и предоставляя «держателю» токена права на долю, получение дивидендов, процентные платежи, право голоса и проч. Именно эта разновидность токенов попадает под действие законодательства о ценных бумагах;

– **потребительские токены** [Utility tokens (FINMA и SEC)], предназначенные для предоставления «держателю» токена доступа к цифровым продуктам, сервисам или контенту и по своей сути являющиеся не средством инвестирования, а предоплатой, скидкой либо премиальным доступом к упомянутым продуктам, сервисам, контенту.

В России при разработке правового регулирования в сфере отношений по поводу ICO был сделан вывод о необходимости принятия нескольких законодательных актов. Предполагалось, что цель регламентации оборота токенов (цифровых прав) будет достигнута с принятием Закона о цифровых правах, Закона о краудфандинге (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и Закона о цифровых финансовых активах (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Законом о цифровых правах эти права были отнесены к числу имущественных – наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами (ст. 128 ГК РФ). В п. 1 новой ст. 141¹ ГК РФ закреплена следующая дефиниция: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Предусмотренное в Кодексе определение цифрового права принципиально отличается от первоначально сформулированного в законопроекте: «В случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом»².

В литературе в связи с этим отмечается, что отказ законодателя от привязки цифровых прав как к распределенному реестру, так и к токенам и криптовалюте позволяет распространять понятие цифровых прав на любые права, фиксируемые в цифровой форме [14].

С изложенным сложно согласиться безоговорочно. Действительно, закрепленное в ст. 141¹ ГК РФ определение однозначно подтверждает отход от первоначальной концепции законопроекта, согласно которой, как уже указывалось, под цифровыми правами понимались исключительно токены. В итоге понятие «цифровые права», по сути, превратилось в обозначение зафиксированных в электронной (цифровой) форме имущественных прав, отвечающих двум признакам: во-первых, они должны быть прямо названы в качестве цифровых в законе; во-вторых, они должны приобретаться, осуществляться и отчуждаться на информационной платформе, «отвечающей установленным законом признакам». Иными словами, «цифровыми» права, закрепленные в электронной форме, могут стать только при условии соответствия двум названным в Кодексе формальным признакам, причем это могут быть вовсе не токены.

В развитие сказанного нужно коснуться определенных в Законе о краудфандинге и Законе о цифровых финансовых активах разновидностей цифровых прав.

Так, в ч. 1 ст. 8 Закона о краудфандинге раскрыто понятие утилитарных цифровых прав. Это права требования: (1) передачи вещи (вещей); (2) передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; (3) выполнения работ и (или) оказания услуг. В ч. 2 названной статьи специально подчеркнуто, что к числу таких прав не относятся права требования имущества, подлежащего государственной регистрации или сделки с которым подлежат государственной регистрации либо нотариальному удостоверению.

Утилитарные цифровые права — это права, которые по смыслу ч. 1 ст. 8 Закона о краудфандинге могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться

² См. текст проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» в редакции на дату его внесения – 26.03.2018 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>

на инвестиционной платформе, предусмотренной ч. 5 ст. 11 этого Закона. Учитывая, что в названном Законе разрешаются вопросы только обозначенной категории имущественных прав, их классификация в качестве цифровых не играет никакой роли и не имеет какого-либо практического значения.

Примечательно, что анализ положений Закона о краудфандинге создал предпосылку для заключения о противоречии второго предложения п. 1 ст. 141¹ ГК РФ, по сути продублированного в ч. 7 ст. 8 Закона и закрепляющего правило об осуществлении цифровых прав только в информационной системе без обращения к третьему лицу, положениям ч. 1 ст. 8 Закона о краудфандинге: «Если цифровое право может быть осуществлено только в информационной системе, то каким образом будет осуществляться, например, право требования передачи вещи? Как должнику исполнить обязательство по передаче вещи только в информационной системе? В принципе вопрос можно поставить шире. Допускается ли исполнение обязательства, которое корреспондирует цифровому праву, за рамками информационной системы, «в реальном мире»? Или же исполнение должно происходить только в информационной системе, поскольку исполнение обязательства — неотъемлемая стадия осуществления цифрового права?» [15].

В ч. 2 ст. 1 недавно принятого Закона о цифровых финансовых активах под цифровыми финансовыми активами предлагается понимать несколько разновидностей цифровых прав: (1) денежные требования; (2) права из эмиссионных ценных бумаг; (3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; (4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске цифровых финансовых активов. При этом цифровая валюта к числу цифровых финансовых активов законом прямо не отнесена и не рассматривается в качестве цифрового права — в ч. 3 ст. 1 этого же Закона под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе. Обращает на себя внимание и то, что в ст. 2 Закона о цифровых финансовых активах говорится о «правах, удостоверенных цифровыми финансовыми активами», то есть цифровые финансовые активы здесь рассматриваются уже не как сами права, а как запись, удостоверяющая цифровые права. Это позволяет заключить, что законодатель так и не разобрался окончательно, следует рассматривать цифровой финансовый актив в качестве самого субъективного гражданского права или это способ фиксации таких прав в цифровой форме.

Последнее замечание является продолжением тех вопросов, которыми задавались эксперты на всем протяжении разработки разбираемых законов: являются ли цифровые права новым объектом гражданского права или новой формой их фиксации, да и надо ли вводить в гражданское право новое понятие «цифровое право»? [16, с. 165-166].

Думается, что отход от изначальной цели введения в гражданское право понятия «цифровое право» и последовавшее за ним выхолащивание определения этих прав, содержательная несостоятельность нового понятия и далекий от совершенства нормативный материал в совокупности дают основания для

вывода о том, что попытка введения в российскую цивилистику новой категории не удалась. Появление в законодательстве всякой новой категории должно преследовать конкретную правоприменительную цель, но в данном случае эта цель в процессе разработки новых законов была утрачена, вследствие чего понятие «цифровые права» очевидно стало лишним.

М. А. РОЖКОВА,

*главный научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
президент IP CLUB,
член Экспертного совета Комитета Государственной Думы
по информационной политике,
информационным технологиям и связи,
доктор юридических наук*

Библиографический список

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4.
2. Cocoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2.
3. Беккер Конрад. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль / Пер. О. Киреева. Vienna: Selene, 2002.
4. URL: <https://www.apc.org/en/node/5677/>
5. URL: https://edri.org/wp-content/uploads/2014/06/WePromiseCharter_booklet_web.pdf
6. Рожкова М. А. Понятие «имущество» в правоположениях Европейского Суда по правам человека // Объекты гражданского оборота: сборник статей / Отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. С. 95-112.
7. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / Под общ. ред. М. А. Рожковой. – М.: Статут, 2018 (автор § 2.2 – М. А. Рожкова).
8. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_ENG.pdf. На сайте Европейского Суда по правам человека размещен перевод данного отчета на русский язык – https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf
9. Рожкова М. А. Об интерпретации правовых позиций Европейского Суда по правам человека, вытекающих из толкования Европейской конвенции по правам человека (на примере исследовательского отчета «Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека») // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / Russian Yearbook on the European Convention on Human Rights. № 2 (2016): «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». – М.: Статут, 2016. С. 264-281).
10. URL: https://www.echr.coe.int/documents/fs_new_technologies_eng.pdf
11. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам No CM/Rec(2018)7 «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2018. № 12.
12. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>
13. Юрасов М. Защита прав инвесторов при проведении ICO блокчейн-проектов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 05.11.2017 // URL: https://zakon.ru/blog/2017/11/5/zaschita_prav_investorov_pri_provedenii_ico_blokchejn-proektov
14. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330-334.
15. Иванов Н. Осуществление цифровых прав по ГК и Закону о краудфандинге [Электронный ресурс] // Закон.ру. 22.11.2019 // URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/22/osuschestvlenie_cifrovyyh_prav_po_gk_i_zakonu_o_kraudfandinge
16. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11.04.2018 № 2.3.3-11/484; экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», принятое на заседании от 17.01.2019 № 183-1/2019 // Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2019 г. Материалы IX международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». 24.12.2019. – М., 2019.